

РАТКЛИФ

Бог сна меня унес в далекий край,
Где ивы так приветно мне кивали
Зелеными и длинными руками;
Где на меня цветы смотрели нежно
И ласково, как любящие сестры;
Где родственно звучал мне голос птиц;
Где даже самый лай собак казался
Давно знакомым; где все голоса,
Все образы здоровались со мной,
Как с другом старым; но где всё при этом
Являлось мне так чуждо — странно-чуждо.
Перед красивой деревенской дачей
Стоял я. Грудь как будто содрогалась,
Но в голове моей спокойно было.
И я спокойно отряхнул с дорожной
Одежды пыль и за звонок взялся.
Он зазвенел, и двери отворились.

Тут было много женщин и мужчин,
Всё лиц знакомых. Тихая печаль
И робко затаенный страх лежали
На них на всех. Как будто смущены,
Они смотрели на меня так странно,
С каким-то состраданьем, — и по сердцу
Вдруг быстрый трепет у меня прошел
Предвестием неведомого горя.
Я тотчас же старуху Маргариту
Узнал и на нее взглянул пытливо.
Она не говорила. «Где Мария?» —
Спросил я, — и она, не отвечая,
Взяла мне руку и пошла со мной
По множеству блестящих длинных комнат,
Где царствовали роскошь, свет и всюду
Безмолвие могилы. Наконец
Мы очутились в сумрачном покое,
И, отвернувшись от меня лицом,
Она мне показала на софу.
«Мария, вы ли это?» — я спросил
И твердости вопроса своего

Сам подивился. Каменно и глухо
Послышался мне голос: «Да, меня
Так называют люди». Острой болью

По мне слова те пробежали. Этот
Тупой, холодный звук был всё ж когда-то
Прекрасным, нежным голосом Марии.
И эта женщина, в своем поблекшем
Лиловом платье, кое-как надетом,
С отвисшими грудями, с неподвижно
Стоящими стеклянными зрачками
И с бледной, вялой кожей на щеках, —
Да, эта женщина была когда-то
Цветущей, нежной, милою Марией.
«Вы долго путешествовали, друг, —
Она сказала с пошлой и холодной
Развязностью. — Теперь не так вы хилы;
Поздоровели, пополнели вы;
Живот и икры очень округлились».
И сладкая улыбка пробежала
У ней по желтым, высохшим губам.
В смущеньи, машинально я сказал:
«Вы замуж вышли, говорили мне».
— «Ах, да! — она сказала равнодушно
И с громким смехом. — У меня теперь
Полено есть, обтянутое кожей,
И мужем называется. Конечно,
Полено — всё полено». И беззвучно,
Противно засмеялась она.
Холодный страх стеснил мне грудь, и я
Подумал: это ль чистые уста —
Как розы, чистые уста Марии?
Она тут поднялась, взяла со стула
Поспешно шаль, накинула ее,
И, опираясь на руку мою,
Меня с собою быстро повлекла
В отворенную дверь, — и дальше, дальше —
Лугами, полем и опушкой леса.

Как огненный венец, катилось солнце
К закату; в пурпуре его горели
Цветы, деревья и река, вдали

Струившаяся строго-величаво.
«Как блещет это пламенное око
В лазури вод!» — воскликнула Мария.
«Молчи, несчастная!» — сказал я ей.
И предо мною в заревом мерцаньи
Свершалось будто сказочное что-то.
В полях туманные вставали лики,
И обнимались белыми руками,
И исчезали. С нежностью любви
Фиялки любовались друг на друга;
Один к другому припадали страстно
Венцы лилей; порывисто дышали,
В горячей неге замирали розы;
Огнем вилоось дыхание гвоздик, —
И все цветы в благоуханьи млели,
Все обливались страстными слезами,
Шептали все: «Любовь! любовь! любовь!»
Порхали мотыльки; жучки, как искры,
Мелькали, напевая песню эльфов.
Вечерний ветер чуть дышал, и тихо
Шептались листья дуба. Соловей
Как будто таял в звуках чудной песни.
Под этот шепот, шелест, звон и пенье
Мне женщина увядшая болтала,
Склоняясь к моему плечу, несносным,
Холодным, будто оловянным, тоном:
«Я знаю, в ночь вы бродите по замку.
Высокий призрак — малый недурной;
На всё сквозь пальцы смотрит он; а тот,
Что в голубом, — небесный ангел. Только
Вот этот красный очень вас не любит».
И много диких слов, еще пестрее,
Она твердила мне без перерыву,
Пока не утомилась и не села
Со мною рядом на скамье под дубом.

Сидели мы уныло и безмолвно,
Порою взглядывали друг на друга,
И всё грустнее становились оба.
Казалось, вздох предсмертный проходил
По листьям дуба; соловей на нем
Пел песнь неисцелимой, вечной скорби.
Но сквозь листья прокрался алый свет
И лег на белое лицо Марии,

И вызвал блеск в ее глазах, — и прежним,
Мне милым голосом она сказала:
«Как ты узнал, что так несчастна я?
Прочла я всё в твоих безумных песнях».

Мороз прошел по телу у меня;
Я ужаснулся своего безумья,
Прозревшего в грядущее; мой мозг
Как будто вдруг погас, — и я проснулся.

Перевод М.Л. Михайлова

Источник: Михайлов М.Л. Собрание стихотворений. — Л.: Советский писатель. 1969. — С. 256-260.